

Музы Пушкина

Л.А. Черкашина

Наталья Гончарова

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК

Музы Пушкина

Лариса Черкашина

**Наталия Гончарова.
Счастливый брак**

«Алгоритм»

2009

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Черкашина Л. А.

Наталия Гончарова. Счастливый брак / Л. А. Черкашина —
«Алгоритм», 2009 — (Музы Пушкина)

ISBN 978-5-9265-0687-4

Наталии Гончаровой предстояло стать женой и музой Пушкина. «Творец тебя мне ниспослал, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец...» – в этих строках поэт предвосхитил свою избранницу – тихого гения красоты и материнства. Судьба увенчала ее блистательным алмазным венцом. Но так ненадолго. Словно примерила. И сменила – на терновый. Но в награду за веру, любовь и страдания оставила ее имя в русской поэзии. На века. Книга известного пушкиниста Ларисы Черкашиной – история трагической земной любви Пушкина и Натали.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9265-0687-4

© Черкашина Л. А., 2009
© Алгоритм, 2009

Содержание

Любовь и смерть	5
«И жизни лучшие часы»	13
Портрет невесты на рукописи «Полтавы»	16
«Одной тобой»	19
Звездный час Натали	23
Штурм «крепости Карс»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лариса Черкашина

Наталия Гончарова. Счастливый брак

*Евгении Черкашиной, моей маме,
в жизни которой была великая любовь*

Любовь и смерть

*И, может быть, утешен буду я
Любовью...*

А.С. Пушкин

Пред вечностью

Как легко вызвать из небытия голоса тех, кому Бог судил стать свидетелями тех горьких январских дней 1837-го, последних в жизни Пушкина.

Вот они, великие очевидцы.

Князь Петр Вяземский:

«Это были душу раздирающие два дня; Пушкин страдал ужасно, он переносил страдания мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывал только одно беспокойство, как бы не испугать жены. «Бедная жена, бедная жена!» – восклицал он, когда мучения заставляли его невольно кричать...»

Софья Карамзина:

«Приехав домой, он увидел жену и сказал ей: «Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!»

Василий Жуковский:

«Княгиня была с женою (Наталией Николаевной), которой состояние было невыразимо; как привидение, иногда прокрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери); но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел, чтобы она могла заметить его страдания, кои с удивительным мужеством пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие. Жена здесь, говорил он. Отведите ее. Что делает жена? спросил он однажды у Спасского. Она, бедная, безвинно терпит! в свете ее заедят».

Владимир Даль:

«Кто у жены моей?» – спросил он между прочим. Я отвечал: много добрых людей принимают в тебе участие – зала и передняя полны, с утра до ночи». «Ну, спасибо, – отвечал он, – однако же, поди, скажи жене, что все слава Богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!»

Александр Тургенев:

«Ночью он кричал ужасно; почти упал на пол в конвульсии страдания. Благое провидение в эти самые минуты послало сон жене; она не слыхала криков; последний крик разбудил ее, но ей сказали, что это было на улице...»

Княгиня Екатерина Мецкерская:

«Между приступами своих ужасных страданий он звал ее, ласкал, утешал. Он говорил, что она невиновна в его смерти и что никогда ни на минуту он не лишал ее своего доверия и любви».

Пушкин – доктору Спасскому:

«Не давайте излишних надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело... Она должна все знать».

Александр Тургенев:

«Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: «Arndt ma condane je suis blesse mortellement» («Арендт сказал мне мой приговор, я ранен смертельно» – *фр.*), она в нервическом страдании лежит в молитве перед образами».

Предсмертная просьба Александра Сергеевича – ему захотелось моченой морошки:
«Позовите жену, пусть она меня покормит».

Владимир Даль:

«Наталия Николаевна опустила на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую – и приникла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!»

Князь Петр Вяземский:

«Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. Вот увидите – сказала она доктору Спасскому, – он будет жив, он не умрет».

Среди звучащих в те дни в доме на Мойке голосов различим и ее голос.

Александр Тургенев:

«Жена подле него, он беспрестанно берет ее за руку... Жена – сила любви дает ей веру – когда уже нет надежды! Она повторяет ему: Tu vivras! (Ты будешь жить! – *фр.*)»

Три дня, самых тяжелых в ее жизни. Как ей хотелось, верно, изменить их ход, совсем недавнее время... Кто может оценить глубину ее страданий? Нравственные мучения едва ли легче физических, а порой и вовсе – нестерпимей. Такой своей Наташи Пушкин еще не знал.

Три январских дня. Накал всех ее чувств. Веру сменяет уныние, отчаяние – надежду.

Пушкин – жене:

«Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Его духовное завещание жене – хрестоматийно знакомое – не есть ли высшее проявление любви?! На смертном одре – о ней. В таких муках, когда и помыслить о чем-то другом, кроме поглотившей все чувства боли, страдать душой за будущность жены?! Не ожесточиться против нее сердцем.

Любовь, неподвластная разуму...

Княгиня Вера Вяземская:

«Я подошла к Натали, которую нашла как бы в безумии.

– Пушкин умер?

Я молчала.

– Скажите, скажите правду! Умер ли Пушкин? Все ли кончено?

Я поникла головой в знак согласия. С ней сделались самые страшные конвульсии; она закрыла глаза, призывала своего мужа, говорила с ним громко; говорила, что он жив, потом кричала: «Бедный Пушкин! Бедный Пушкин! Это жестоко! Это ужасно! Нет, нет! Это не может быть правдой! Я пойду посмотреть на него!» Тогда ничто не могло ее удержать.

Она побежала к нему, бросилась на колени, то склоняясь лбом к оледеневшему лбу мужа, то к его груди, называла его самыми нежными именами, просила у него прощения, трясла его, чтобы получить от него ответ».

Константин Данзас:

«Г-жа Пушкина возвратилась в кабинет в самую минуту его смерти... Увидев умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени; густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала:

– Пушкин, Пушкин, ты жив?!

Картина была разрывающая душу...»

Александр Тургенев:

«Она рыдает, рвется, но и плачет... Жена все не верит, что он умер; все не верит».

Вдова

Ровно в 14.45 пополудни 29 января 1837 года Наталия Пушкина стала вдовой. Именно с этого времени, с замерших на часах стрелок, начался отсчет вдовства, вместившего семь лет ее жизни.

Княгиня Екатерина Долгорукова:

«По смерти Пушкина у жены его несколько дней не прекращались конвульсии, так что расшатались все зубы, кои были очень хороши и ровны».

Княгиня Вера Вяземская:

«...Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после...»

Графиня Долли Фикельмон:

«Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние».

И в том страшном горе нашла в себе силы: настояла, чтобы мужа похоронили во фраке, а не в придворном мундире – «шутовском наряде», который так раздражал его при жизни.

Александр Тургенев:

«...Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира; между тем государь сказал: «Верно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

Нет, то было ее волей. Она не забыла давней и казавшейся прежде столь несбыточной тревоги мужа:

«Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым – а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову...»

Поначалу горе и отчаяние вдовы поэта, «жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать», вызывало глубокое сочувствие у всех, кто бывал в ее осиротевшем доме. И свидетельством тому – письма Софьи Карамзиной:

«В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли.

Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! – не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. Бедное, жалкое творенье! И как она хороша даже в таком состоянии!..

Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. «Мой муж, – сказала она, – велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение»;

«К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина».

...Наталия Николаевна прощалась с сестрой, госпожой Дантес, принявшей фамилию убийцы ее мужа. Это была уже не та Катя, с которой связано столь много отрадных сердцу воспоминаний, не та Катя, которая умоляла некогда младшую сестру «вытащить из пропасти»: в тиши родовой усадьбы она старела, незаметно превращаясь в старую деву, и молодость ее была так грустна и печальна. Как мечталось ей тогда о светском Петербурге, как просила она Ташу помочь ей!

Натали настояла, уговорила мужа: ее жалость обернулась великой бедой... И как невыносимо больно слышать ей слова Катрин, что та «прощает Пушкину»!

Александр Карамзин:

«Она (Екатерина) – единственная, кто торжествует до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи Пушкиной, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!!»

Тогда сестрам не дано было знать, что в жизни им более не доведется встретиться и что простились они навечно.

Софья Карамзина:

«...И тут, наконец, Катрин хоть немного поняла несчастье, которое она должна была бы чувствовать и на своей совести; она поплакала, но до этой минуты была спокойна, весела, смеялась и всем, кто бывал у нее, говорила только о своем счастье. Вот уж чурбан и дура!»

Школа злословия

Вместе с сестрой Александрой и детьми 16 февраля 1837 года Наталья Николаевна покинула Петербург. И уже на следующий день Софья Карамзина самым подробным образом описывает проводы брату Андрею.

Софья Карамзина:

«Вчера вечером, мой друг, я провожала Натали Пушкину... Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино – она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем... Нет, эта женщина не будет неутешной. Затем она сказала мне нечто невообразимое, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории...»

«Я совсем не жалею о Петербурге; меня огорчает только разлука с Карамзиными и Вяземскими, но что до самого Петербурга, балов, праздников – это мне безразлично»...

Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, и то пройдет очень скоро».

Екатерина Карамзина:

«Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню... Бедный, бедный Пушкин, жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы-жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства».

Напрасно взывал в те скорбные дни к общим друзьям князь Вяземский. Его слова не были услышаны:

«Более всего не забывайте, что Пушкин нам всем, друзьям своим, как истинным душеприказчикам, завещал священную обязанность: оградить имя жены его от клеветы. Он жил и умер в чувстве любви к ней и в убеждении, что она невинна...»

Софья Карамзина:

«Ведь даже горечь, которую он оставлял своей жене, и этот ужас отчаяния... теперь уже совершенно утихло! – а он-то знал ее, он знал, что это Ундина, в которую еще не вдохнули душу».

Предсмертное пророчество поэта сбылось. И так неожиданно скоро... Но знать бы ему, что имя его Наташи будет предано злословию и в грядущем веке.

Марина Цветаева:

«...Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной. Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие: красавицу».

Из заповедей блаженства:

«Блаженны Вы, когда будут поносить Вас и гнать, и всячески несправедливо злословить...»

«Бедная!!!»

Лишь очень немногие, посвященные во все хитросплетения преддуэльной истории и знавшие истину, сочувствовали несчастной вдове, в числе их – самодержец Российской империи.

Император Николай I:

«Сам (Геккерн) сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, ... тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна».

Андрей Карамзин:

«Бедная Наталья Николаевна! Сердце мое раздиралось при описании ее адских мучений. Есть странные люди, которым не довольно настоящего зла, ... которые здесь уверяли, что смерть Пушкина не тронет жены его, que c'est une femme sans coeur (что эта женщина без сердца – *фр.*)».

Князь Петр Вяземский:

«Пушкин и его жена попали в гнусную западню, их погубили»;
«...Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его».

Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел – смущением томим.

Будто дано было знать поэту о горькой участи жены и свояченицы задолго до рокового исхода...

Александр Карамзин:

«Вчера выехала из Петербурга Н.Н. Пушкина. Я третьего дня ее видел и с ней прощался. Бледная, худая, с потухшим взором, в черном платье, она казалась тению чего-то прекрасного. Бедная!!!»

Путь вдовы поэта, вместе с детьми и сестрой Александрой, лежал в Москву и далее – в калужскую усадьбу. Тайные знаки судьбы: Наталия Пушкина проезжает по Никитской, мимо храма Большого Вознесения, где она венчалась с поэтом, в тот самый знаменательный день – 18 февраля! Тогда, шесть лет назад (а кажется – вечность!), она была счастливейшей из женщин!

Как памятны те дни! И как свежи воспоминания! Отныне лишь они – ее печальный удел...

Затворница

Наталия Николаевна приедет в Полотняный Завод, где все еще дышит памятью поэта и где стихотворные строки, начертанные им на стенах беседки-«миловида», не успеют потускнеть. Но приедет – уже вдовой.

После блистательного Петербурга жизнь в усадьбе текла медленно и печально. Но Петербург отныне и навсегда связан для нее со смертью мужа. А здесь все – старые аллеи, заросшие берега речки Суходрев, стены дома – незримо хранит образ живого Пушкина.

Она будет жить не в фамильном дворце вместе с семьей брата Дмитрия, а отдельно, с Александрой и детьми, в Красном доме, – там, где раньше останавливался Пушкин. Так уж случится, что у Натали с женой брата, Елизаветой Егоровной, сложатся непростые отношения. И виной тому будет явное недоброжелательство последней к вдове поэта.

Дмитрий Гончаров – сестре Екатерине Дантес:

«Живут (сестры) очень неподвижно... Натали чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат...»

Наталия Николаевна полностью посвящает себя детям, они – ее спасение. И она – самая нежная и заботливая мать на свете.

Софья Карамзина – брату Андрею Карамзину:

«...На днях я получила письмо от Наталии Пушкиной... Она кажется очень печальной и подавленной и говорит, что единственное утешение, которое ей осталось в жизни, это заниматься детьми...»

Не избежать ей и новых тревог. В мае 1838 года серьезно заболел трехлетний Гриша, и Наталия Николаевна уезжает с ним в Москву.

Наталия Пушкина – брату Дмитрию Гончарову:

«...Я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши... Я здесь только для того, чтобы посоветоваться с врачами, никого не вижу, кроме них, и нахожусь в постоянной тревоге».

Сестры живут почти затворницами, не позволяя себе никаких, даже самых невинных развлечений. Грустным свидетельством тому совместное письмо Александры и Натали, адресованное в эльзасский городок Сульц.

Наталия Пушкина – сестре Екатерине Дантес:

«Мы точно очень, очень виноваты перед тобою, душа моя, давно к тебе не писали, разные обстоятельства были тому причиною... М-м Сиркур поблагодари за память..., услугами ее пользоваться не можем, ибо мы из черных шлафоров не выходим... Двери нашего красного замка крепко заперты...»

Кто знает, скольких душевных мук стоили младшей сестре эти строки! И сколь много в них кротости и такта! Ничем не посмела попрекнуть Катрин, повинную в том, что ныне все наряды приходится ей сменить на «черный шлафор»...

Одно из немногих утешений Натали в те годы – чтение (благо в Красном доме – богатейшая фамильная библиотека). Но многие книги прочитаны и перечитаны не единожды, и она просит друга покойного мужа Павла Воиновича Нащокина выслать ей все сочинения Бальзака.

Наталия Пушкина (ее строки приводит в своем письме Софья Карамзина):

«Я выписала сюда все его (мужа) сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его – все равно, что слышать его голос, а это так тяжело!»

Анна Ахматова:

«Никакого культа Пушкина после его смерти в доме вдовы не было».

Марина Цветаева:

«Раздав все смертные реликвии Пушкина – «я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли», Нащокину – архалук (красный, с зелеными клеточками), серебряные часы и бумажник..., Далю – талисманый перстень с изумрудом и «черный сюртук с небольшой, в ноготок, дырочкой против правого паха...»

Так ли это? Справедливы ли обвинения? Ведь дорогие реликвии отданы самым близким друзьям поэта. Для Наталии Николаевны бесценно все, что связано с именем мужа. Из Полотняного Завода в Болдино она отправляет крестьянина с поручением к управляющему имением Осипу Пеньковскому – привезти все рукописи и вещи ее покойного мужа.

Словно слышится ее живой голос, тихий, но твердый в том своем великом горе. Вот оно, это письмо:

«Милостивый государь Осип Матвеевич!

В находящемся под управлением Вашим селе Болдино какие только есть принадлежащие лично покойному мужу моему Александру Сергеевичу Пушкину книги, бумаги, письма, и вещи, все без остатку, сделайте одолжение, выдайте для доставления ко мне подателю сего крестьянину Власу Абрамову Комарову без задержания.

С почтением, честь имею быть, милостивый государь,

Вам покорная... *Наталья Пушкина.*

Полотняный Завод июня 11 дня 1837».

...Будто услышанная ею давняя просьба мужа: «Пиши мне в Болдино».

«Бог правду видит, да не скоро скажет». Это о ней, жене поэта, столько претерпевшей во мнении людском и в своей недолгой жизни, и уже после смерти. Сколь много поклонников поэта судили о жизни Наталии Николаевны слишком смело и слишком бесстрастно.

Не понимала, не знала цену гения?! А это забытое ее письмо, как много говорит оно ныне!

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия...

Какое горькое утешение слышать живой голос мужа, обращенный к ней! И как легко воскресить прошедшее! Мелькают в памяти минувшие дни, дни ее жизни с Пушкиным. И в их пестрой череде – самый первый, самый памятный – день их встречи.

«И жизни лучшие часы»

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали!
И лежковерные мечты.....
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

А.С. Пушкин

День встречи поэта и его избранницы – какими странными непредсказуемыми путями вела к нему судьба! Если заглянуть в историю рода Пушкиных – Гончаровых, то представится величественно-трагическая картина.

День этот предопределен всем ходом истории – не только русской, но и общемировой. Не притязания бы Османской империи к землям Черного континента, так и остался маленький Ибрагим в Абиссинии, в отчем доме, а не стал бы заложником турецкого султана. А значит – не привезен бы в Россию, в подарок русскому царю Петру I!

Должен был прибыть в Киев ко двору великого князя Всеволода II Ольговича далекий предок поэта серб Ратша, граф Савва Рагузинский доставить из Константинополя в Москву арапчонка, засидевшаяся в девках Мария Пушкина выйти замуж за сына царского арапа, гетман Петр Дорошенко потерпеть поражение и попасть в плен к московскому царю, генерал Иван Загряжский похитить лифляндскую баронессу, калужский купец Афанасий Гончаров построить полотняные заводы, его правнук Николай встретить в Петербурге красавицу Наталию Загряжскую, а подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Сергей Пушкин увлечься «прекрасной креолкой»... И будто бы все эти разновеликие события – интриги, похождения, злодейства, царствования, войны – имели собой одну-единственную цель: привести Александра Пушкина и юную Наташу Гончарову на Тверской бульвар в дом Кологривовых.

Есть в том своя неслучайность, что поэт повстречал свою избранницу в родной ему Москве. На исходе 1828 года Пушкин приехал в Первопрестольную из Тверской губернии, где так славно провел он минувшую осень, чтобы вскоре вновь отправиться «по прежнему следу»...

В доме Кологривовых на балу у танцмейстера Йогеля – кончился Рождественский пост, и по всей предновогодней Москве нескончаемой чередой шли балы – Пушкин впервые увидел шестнадцатилетнюю Натали.

Петр Андреевич Йогель был известен нескольким поколениям москвичей, и слава о его балах, что давал он в особняках московской знати, гремела по всей столице. Лев Толстой оставил их описание на страницах романа «Война и мир»: «У Йогеля были самые веселые балы в Москве. Это говорили матушки, глядя на своих «подросточков», выделяющих свои только что выученные па; это говорили и сами подростки, танцевавшие до упаду; это говорили взрослые девицы и молодые люди, приезжавшие на эти балы с мыслию снизойти до них и находя в них самое лучшее веселье... Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки: был, как пух летающий, по правилам искусства расшаркивающийся добродушный Йогель... было то, что на эти балы еще езжали те, кто хотел танцевать и весе-

литься, как хотят этого тринадцати- и четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья».

Вот на таком веселом рождественском балу и свела судьба Пушкина и юную Натали.

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз... Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность, столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила ее в глазах влюбленного поэта»¹.

...Встреча та стала поистине судьбоносной для отечественной культуры. И ныне кажется событием мирового порядка. Не случись она в заснеженной Москве сто восемьдесят лет назад, не легли бы на лист пушкинские строки:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна...

Она, Натали Гончарова, коронована монархом русской поэзии, и что может быть выше дарованного ей поэтического титула – «чистейшей прелести чистейший образец»!

Прекрасному творению Божьему Пушкин отныне готов поклоняться всю жизнь, в нем одном черпать и восторги, и утешения, и силы. Не множеством, а одной! Не другими, прежде любимыми и воспетыми, но одной ею. Единственной!

Неиссякаемый источник любви и вдохновения поэта: его кумир, ангел, сокровище, мадонна! Счастливейшим из людей называл себя Пушкин в преддверии свадьбы.

Но как часто биографы поэта грешили тем, что пытались «сделать» за него свой выбор, – оценивали, судили, наставляли... Еще в начале прошлого века один из генеалогов поэта, ныне безвестный профессор Сикорский, сетовал, что на жизненном пути Пушкину встретила не та женщина: «Живи Пушкин в Михайловском, под сенью Арины Родионовны, или в Тригорском, Россия не имела бы несчастья оплакивать его раннюю смерть».

Смешно и горько читать ныне эти строки. «Примеряли» на себя роль жены Пушкина и такие тонкие его ценители, как Марина Цветаева и Анна Ахматова, – вот они-то, будь на месте этой «пустышки» Натали, уберегли бы поэта...

Но Пушкину была нужна только его Наташа. «...Заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь», – писал он невесте. И, надо полагать, слово свое сдержал, – ведь сказано то не пылким юношей, но зрелым мужем, знающим цену и словам, и поступкам.

...Полтора столетия минули с кончины Наталии Гончаровой-Пушкиной-Ланской, и полтора столетия кипят страсти: кто она в жизни поэта – ангел, роковая женщина или просто «пустое место»? И как же медленно и трудно очищается ее образ от обывательского злословия, чтобы вновь предстать в своей первозданной чистоте. Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну – «две вещи несовместные». Ведь вся жизнь его и поэзия после декабря 1828-го – встречи с Натали Гончаровой – осенена ее светлым именем.

Та девочка... или это сон?..

...А в первых числах января 1829 года Пушкин вновь отправился в тверские края, в Старицу, где его ждал приятель Алексей Вульф. В уездном городке тоже царил веселье – давали святочные балы. И Александр Сергеевич, по воспоминаниям, принимал в них самое

¹ Из воспоминаний Александры Петровны Араповой, урожденной Ланской, дочери Наталии Николаевны от второго брака.

живое участие: много танцевал, не скупился на комплименты провинциальным барышням, и даже усердно ухаживал за синеглазой Катенькой Вельяшевой. Но в глубине души хранил образ девочки, встреченной в Москве и так поразившей воображение своей небесной ангельской красотой: «Целую кончики ваших крыльев...»

Портрет невесты на рукописи «Полтавы»

*Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас.
Пушкин – Натали Гончаровой*

«Приехал... Пушкин»

Каким необычным был для Пушкина год 1828-й от Рождества Христова! Сколь много вместил он в себя любви и творческих озарений, отчаяния и призрачных надежд на счастье.

А начинался он под знаком любви к Аннет Олениной. В честь ее слагались будущие шедевры пушкинской лирики, на рукописных страницах мелькали то ее головка с ниспадавшими локонами, то перевитые лентами маленькие ножки в бальных туфельках...

Нет, не судьба... Гостеприимное оленинское Приютино не стало родным для поэта. Крушение надежд, мечтаний... «Я пустился в свет, потому что бесприютен». И вновь мучительные подспудные поиски своего Дома, желание жить и «познать счастье»...

Ужель мне скоро тридцать лет?

Итак, декабрь 1828 года. Предновогодняя Москва полнится слухами – Пушкин приехал! Приехал так неожиданно, что никого из друзей не успел (или не захотел?) оповестить.

«Декабрь. 6... Приехал в Москву Пушкин» – записывает в дневник знакомец поэта историк Михаил Погодин.

А следом – еще одна временная зарубка: 12 декабря. Князь Петр Вяземский сообщает жене: «Здесь Александр Пушкин; я его совсем не ожидал. Он привез славную поэму «Мазепа», но не Байроновского, а своего. Приехал он недели на три, как сказывают, еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись...»

Пушкин прибыл в Первопрестольную из Тверской губернии, из Малинников, столь милых его сердцу «Вульфовых поместий». Ему так не терпится показать друзьям новую поэму. Написана она была еще осенью, написана на едином дыхании, в те счастливейшие мгновения, когда под напором поэтических строк рушатся незримые плотины, и стихи текут мощно и вольно.

«Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, – вот что увлекло меня, – признавался сам поэт, – «Полтаву» написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

Вот он, этот стремительный полет мысли гения: первая песнь «Полтавы» завершена 3 октября, вторая – 9 октября, и последняя, третья – 16-го! А через три дня, сразу после дружеской пирушки в Петербурге в честь лицейской годовщины, Пушкин едет в Тверскую губернию, и рукопись только что «вылившейся» из-под его пера поэмы путешествует с ним.

И уже в Малинниках – 27 октября – поэт пишет свое загадочное посвящение:

Тебе – но голос музыки темной
Коснется ль уха твоего?

Все, свершилось! Последний взыскующий взгляд художника. С этого дня и поэт, и его творение – каждый будет жить своей отдельной, особой жизнью.

Скорее в Москву, к друзьям – «на смотрины»! Как-то они примут его новое детище?

«Узнал ли ты...»

«В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» у Сергея Киселева при Американце Толстом и сыне Башилова...» – вновь свидетельствует князь Вяземский. Он мог слышать поэта между 7 и 11 декабря 1828 года. Но где?

Первоначально считалось, что Сергей Киселев, приятель Пушкина, в то время жених Елизаветы Ушаковой, жил в доме графини Головкиной на Никитском бульваре (там, где ныне Дом журналиста).

Но оказалось, что в 1828 году полковник в отставке Сергей Дмитриевич Киселев сменил место жительства и поселился на Поварской, в доме графа Н.А. Шереметева, что в приходе церкви Бориса и Глеба. Истину помогли установить старинные исповедальные книги, некогда хранившиеся в храме.

А поблизости от шереметевского особняка, буквально в пяти минутах ходьбы – стоило лишь по Скарятинскому переулку выйти на Большую Никитскую, – стоял ничем не примечательный, весьма прозаического вида деревянный одноэтажный дом с антресолями, и три его окна с распахнутыми ставнями безучастно смотрели на улицу.

Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал...

И жила в том доме со своими сестрами и братьями, строгой матушкой и отцом, страдавшим тяжким душевным недугом, шестнадцатилетняя Таша Гончарова. Жила, несмотря на все сложности семейственных отношений, обычной жизнью московской барышни: мечтала о первых балах и поверяла свои девичьи секреты сестрам Катеньке и Азе, исправно посещала службу в приходском храме, как то было заведено в семье, и прилежно училась, списывая своим легким летящим почерком одну за другой тетрадки по всемирной истории и мифологии, немецкому синтаксису и географии.

И не могла знать тогда юная Натали, что судьба уже готовит ей встречу с НИМ, ее суженым, ее супругом! И что в те декабрьские дни Александр Пушкин уже в Москве, и чтобы видеть его, не надо даже закладывать экипаж – ОН совсем рядом, в доме на соседней улице! Читает друзьям свою новую поэму...

Как сладок юности покой!

«И день настал»

Преддверие встречи. Тайное сближение судеб. Время начало свой незримый отсчет...

Пройдет не более двух недель, и на исходе декабря поэт увидит ее на рождественском балу в доме Кологривовых на Тверском бульваре. И Натали Гончарова в тот знаменательный вечер в белом воздушном платье с золотым обручем на голове будет прекрасна как юная богиня.

Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блещут ее глаза...

Он подойдет к ней, замороженный и покоренный юной царственной красотой. А она, увидев подле себя знаменитого поэта, словно сошедшего к ней небожителя, в ореоле славы и всеобщей любви, смущенная его комплиментами, опустит прекрасные глаза. И это естественное движение чистой души скажет ему главное. Она будет узнана!

А влюбленный поэт будет вспоминать: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась...» И на странице рукописи меж стихотворных строк легкое перо поэта впервые набросает ее милый образ.

С этого благословенного дня в жизнь Пушкина, в его мечтания и надежды повластно войдет робкая красавица Натали Гончарова. Войдет, чтобы остаться в ней навсегда.

...Черновая рукопись «Полтавы» – скрытый дневник Пушкина. Эти драгоценные листы запечатлели великое таинство – рождение поэмы. Не удивительно ли найти среди них и эти первые строки?

И подлинно: в Украине нет
Красавицы Натальи равной...

Позже поэт наречет дочь страдальца Кочубея иным именем, но имя Натальи (ее имя!) будет названо.

Он горд Натальей молодой,
Своею дочерью меньшей...

Шестнадцатилетняя Натали – Таша, Наталия, младшая из сестер Гончаровых... И эти пушкинские строки, поистине пророческие!

И жертвой пламенных страстей
Судьба Наталью назначала...

Судьба!

...Все-то знает о своем приятеле, и все-то предвидит князь Петр Андреевич: «Он... еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись...»

«Отшатнулись!» Словно деревья под порывом ветра. Или чтобы яснее указать дорогу к ней. Единственной.

И Аннет Оленина, и графиня Елизавета Воронцова, и крепостная Ольга Калашникова, и Евпраксия Вульф, и Софья Пушкина – все они – прежние «любви», бывшие увлечения.

Светский сплетник Вяземский. Спасибо ему! Он запечатлел в своих письмах незримое: поток любовной энергетики Пушкина, стремительное его развитие. Будто разыгрывается некая музыкальная пьеса с бесконечно меняющимися темпами: аджеволе – «еще ни в кого не влюбился»; адажио – «вероятно, он влюбится»; анданте – «он опять привлюбляется»; аллегро – «влюбляется на старые дрожжи». И в завершение – мощные мажорные аккорды! – признание самого Пушкина: «голова у меня закружилась».

Натали Гончарова. Невеста, жена, вдова...

Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

«Одной тобой»

Как пламень жертвенный чиста моя любовь...
А.С. Пушкин (из черновых набросков)

В мае 1829-го в предгорьях Северного Кавказа, в Георгиевске, всего за несколько дней до своего тридцатилетия, Александр Пушкин написал строки, которым в грядущем, как и их творцу, суждено будет обрести бессмертие.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Кому посвящена эта божественная элегия, музыкой льющиеся стихи?

«Тобой, одной тобой...» Каким бесспорным кажется ответ! Конечно же, юной невесте поэта, оставленной в Москве.

Натали... Невеста ли? Как мучительна неопределенность! Горькое и сладостное чувство одновременно. Отказано в ее руке под благовидным предлогом – слишком молода – и одновременно подарена слабая надежда. Неудавшееся сватовство. Душевное потрясение поэта так велико, что ни на день, ни на час он уже не может оставаться в Москве! Все решилось будто само собой первого мая. Получив от свата Толстого ответ, Пушкин не медлил: в ту же ночь дорожная коляска выехала за городскую заставу, и московские купола и колокольни растаяли в предрассветной мгле.

Путь Пушкина лежал на Кавказ, куда он не мог попасть, как верный подданный, посылая письма генералу Бенкендорфу и испрашивая разрешения у своего венценосного цензора стать «свидетелем войны». А тут, словно свыше, пришло решение: Кавказ как спасение от душевной муки, Кавказ как самое горячее место империи, где в схватках с воинственными горцами вершилась на глазах история России.

Можно послушаться царя, можно самовольно умчаться из Москвы и даже из России. Но не уехать и не убежать от нее – образ юной Натали, такой далекой и недоступной, невозможно изгнать из памяти. Он уже властно вторгся в его жизнь. И противиться тому невозможно.

...Строки, родившиеся в предгорьях Северного Кавказа, увидели свет в Петербурге в 1830 году. И друзья Пушкина, читая «На холмах Грузии» в альманахе «Северные цветы», полагали, что сей драгоценный поэтический подарок предназначен его невесте. Верно, и Натали, повторяя вслух, словно признание, эти чудные строки, втайне испытывала минуты великого душевного торжества. И не в эти ли счастливейшие мгновения ее жизни в сердце робкой красавицы, почти еще девочки, просыпалась любовь?..

Не случайно ведь острая на язычок Александра Россет, не питавшая особых чувств к юной супруге поэта, насмешливо замечала, что та любит лишь стихи мужа, посвященные ей. И то, что среди этих неназванных поэтических посвящений, ведомых лишь одной Натали, были и «На холмах Грузии», тайной не считалось.

Итак, вне сомнений – стихи, написанные Пушкиным на Кавказе, адресованы невесте. Княгиня Вера Вяземская посылает их летом 1830-го Марии Волконской в далекую сибирскую ссылку. Вместе с номерами «Литературной газеты». Княгиня, добрый друг Пушкина и поверенная многих его сердечных тайн (ведь стихи он переписал для нее и, видимо, по ее же просьбе, когда в начале июня гостил у Вяземских в Остафьеве), считает нужным пояснить, что новое творение автор посвятил своей невесте Наталии Гончаровой.

Имя московской красавицы тогда, как и все перипетии сватовства и женитьбы Пушкина, у всех на устах, и вызывают живейший интерес как в солнечном Риме, так и в Петровском Заводе, в промерзлой Сибири.

Мария Николаевна не замедлила откликнуться: она, конечно же, благодарна приятельнице за дружескую память и за присланные ей стихи «На холмах Грузии», которые она уже сообщила друзьям, и, подобно строгой критикессе, проводит их литературный анализ.

«В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, нет сомнения, но в них нет ни связи, ни соответствия с дальнейшими мыслями нашего великого поэта, и, судя по тому, что вы мне сообщаете о той, кто вдохновляет его, мысли и свежи и привлекательны, – пишет княгиня Волконская. – Но конец ... это конец старого французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего».

И добавляет: «Поручаю Вам передать ему наши самые искренние, самые подлинные поздравления».

Но что-то в тоне ее послания слегка настораживает. Подсознательное скрытое раздражение сквозит в строках, быть может, еле уловимая ревность. Ведь для нее все это не более чем «любовная болтовня», и чувства и слова первого русского поэта явно обветшали. Так ли полагала она на самом деле? Прежней богине, музе, поистине прекрасной и героической женщине, не очень то легко уступать пьедестал. Пусть даже и не в реальной жизни – ведь судьба давно уже развела их пути. Да и разделяет ее и Пушкина огромное пространство – чуть ли не вся Российская империя пролегла между ними...

Знать бы ей, что минет столетие, и ученые мужи, разбирая рабочие тетради поэта, вдруг объявят ее, черноокою красавицу Марию Волконскую, «утаенной любовью», вдохновившей поэта на создание именно этого поэтического шедевра. И в качестве самого весомого аргумента напомним о другой, самой первой поездке Пушкина на Кавказ, когда Мария, тогда еще Раевская, дочь славного боевого генерала, была юным очаровательным созданием. И Александр Пушкин долгие годы не мог забыть и ее милую кудрявую головку, и прелестные ножки...

Я снова юн и твой...

Я твой по-прежнему – тебя люблю я вновь
И без надежд, и без желаний
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний...

Как было некогда, я вновь тебя люблю...

Бесспорно, эти строчки из черновых автографов того же стихотворения к юной Наталии не имеют никакого отношения.

Прошли за днями дни – сокрылось много лет

Где вы, бесценные созданья
Иные далеко, иных уж в мире нет
Со мной одни воспоминанья

Но тогда и это признание не имеет прямого обращения к Марии Волконской. И так ли уж печалилось сердце поэта о той давней юношеской страсти?

Но, пожалуй, самую оригинальную версию выдвинул Юрий Тынянов: пушкинская элегия посвящена почтенной Екатерине Карамзиной, вдове великого историка, любовь к которой поэт, оказывается, утаивал всю свою жизнь.

Где вы, бесценные созданья

Верное слово далось не сразу. Поэт подбирал ему замену: «любимые, знакомые»...

Какой ареал поиска! Это куда обширнее знаменитого «дон-жуанского списка» поэта! Ведь к «бесценным и любимым», а тем более к «знакомым» Александра Сергеевича можно отнести всех особ женского рода, встречавшихся на его жизненном пути!

...Душа моя
Их образ тайный сохранила...

Всем достанет места в волшебной стране воспоминаний – бывшие музы и соперницы мирно уживаются в ней: утонченная графиня Воронцова и малютка Оленина, умница Катенька Ушакова и покинувшая земную обитель экстравагантная Амалия Ризнич...

Не прощание ли это с прежними богинями и с той из них, чье имя утаено, и чей образ все еще горит в сердце поэта? Но в нем, словно на пепелище былых страстей, уже властно пробивается новый росток. Выходит светлое имя – Натали. Да, все они, «бесценные созданья», были, но она одна есть.

Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла
Восходят звезды надо мною
Мне грустно и легко...

Пушкин – самый строгий и беспощадный собственный цензор. Первоначальные наброски, эти вулканические выбросы чувств и эмоций, словно убираются им в глубины памяти. И прекрасные стихи, составившие честь бы любому поэту, так и останутся в черновых рукописях, доступных одним дотошным исследователям. Отныне бесценное право на жизнь даровано только восьми строфам. И в каждой – Ее незримый образ.

Восемь оставленных строк. Но и они – всего лишь приближение к авторскому замыслу, последняя ступень к совершенству. Еще несколько штрихов мастера.

На холмы Грузии ночная тень легла
Шумит Арагва предо мною
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...
Тобой, одной тобой – мечтанья моего
Ничто не мучит, не тревожит
И сердце живо вновь – и любит от того
Что не любить оно не может.

На том же листке поэт вдруг ставит отточие, и, словно задумавшись, рисует ангела. Но ангел вполне земной – он не витает в облаках, а ступает по тверди.

Спустился ли он с небес на грешную землю? Небесное ли то создание или юная дева с трогательными карнавальными крылышками, стройная, с модной, вполне светской прической, «глаза и кудри опутив», в бальных туфельках со скрещенными тесемками робко делает шаг? Куда? Что влечет ее? На одном уровне с ее башмачками, с той условной «землей», размашисто выведена надпись на французском «Pouchkine». Пушкина. Как неожиданно... Кто она?

Ну, да, конечно же, совсем недавно, всего год назад, Пушкин чертил на рукописях анаграммы другого имени – Аннет Олениной и даже, позволив себе замечаться, однажды вывел на листе «Annette Pouchkine».

Но Анне Олениной так и не суждено было носить эту магическую фамилию – Пушкина. А в мае 1829 года лишь одна юная особа имела все права в недалеком будущем именоваться именно так.

Странно, но никто из исследователей не связал нарисованного Пушкиным ангела с подписью самого поэта. И не логично ли тогда предположить, что и пушкинский рисунок вовсе не абстрактен. Стоит лишь пристальней взглянуть в него – и увидеть милый знакомый профиль, чуть заостренный характерный «гончаровский» подбородок, грациозно наклоненную головку, довольно высокую фигуру и даже разглядеть очерченную, отнюдь не маленькую, не «оленинскую» ножку. И вспомнить строки из письма поэта, отправленного матери невесты – его признание в том, что, уезжая на Кавказ, он увозит «в глубине своей души» «образ небесного существа», обязанного ей жизнью, вспомнить, что поэт любил называть свою Наташу ангелом и целовать в письмах к невесте кончики ее воображаемых крыльев. И, как знать, не имел ли ангел, «запечатленный» поэтом на рукописной странице, земного имени – Наталия?

Пушкин обычно не подписывал своих рисунков – они рождались, как и стихи, безудержно и вдохновенно. Графические наброски и строки в рабочих тетрадах поэта – неделимое действие, великое таинство творчества. Сколько еще осталось неразгаданных пушкинских рисунков – почти столько же предположений и версий, кто из бесчисленных знакомцев поэта удостоился высокой чести быть запечатленным его быстрым пером!

Как разгадать сокровенные мысли русского гения, движения его души?

Кого твой стих боготворил?

Но на этой рукописной странице есть подпись. И поэтические строки, и зримый образ избранницы, и мечты, и потаенные надежды – все словно вобрал в себя старинный лист.

...Натали еще только делает шаг навстречу судьбе. Первый, жертвенный. Пушкин его уже сделал.

Звездный час Натали

Одной картины я желал быть вечно зритель...
А.С. Пушкин

Романтическая красавица

В жизни избранницы поэта, сколь удивительно счастливой, столь и трагичной, было немало таинственных знамений и пророчеств, что ждут еще своей разгадки. И вот одно из них, по времени совпадающее с первым знакомством юной красавицы и поэта.

Небесная покровительница была необычайно щедра к Наталии Гончаровой, одарив ее сполна и божественной красотой, и чуткой душой, и предобрым сердцем. Шестнадцатилетняя Натали, только что увидевшая свет, и, быть может, сама того не желая, затмила редкостной красой всех своих сверстниц – московских дев.

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве...

Натали Гончарова, как одна из самых очаровательных московских барышень, приглашалась для участия в живых картинах – весьма модном тогда светском развлечении.

Удивительно, но благодаря воспоминаниям и письмам современников можно узнать ныне, какими же картинами восхищались именитые гости в тот предновогодний вечер в генерал-губернаторском особняке на Тверской.

Завсегдатай светских салонов, Александр Булгаков, в будущем московский почт-директор, полагал, что великолепнее всех была живая картина, «изображавшая Дидону»: «Лазарева была восхитительна, хотя ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прелестной Магдалины. Но кто была очаровательна, – это маленькая Алябьева – красавица; маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна».

Публика в восторге требовала вновь и вновь повторения изящной сценки...

«А что за картина была в картинах Гончарова!» – восторгается князь Вяземский. В его памяти так свежи впечатления от живых картин, виденных им на святочном балу у московского генерал-губернатора. И пишет он Пушкину в Петербург, словно поддразнивая приятеля, безнадежно влюбленного в первую московскую красавицу.

Натали Гончарова и Александра Алябьева – две восходящие звезды на московском небосклоне, словно вступили меж собой в негласное состязание. Да и Вяземский в письме в Пушкину, сравнивая юных красавиц, отмечал у Алябьевой классическую красоту, а у Гончаровой – романтическую, и заключал: «Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения».

«Картины князя Голицына»

Той далекой ныне весной балы в Первопрестольной шли беспрестанной чередой. Вот что сообщал биограф поэта П. В. Анненков о московских событиях, что предшествовали сватовству Пушкина:

«В 1830 году прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталия Николаевна принадлежала к тому созвездию

красоты, которое в это время обращало внимание и, смеем сказать, удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим – в великолепных живых картинах, данных Московским генерал-губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин. По обыкновению своему он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания».

В марте того же года произошло еще одно знаменательное событие – император Николай I, обратив впервые внимание на юную Натали, отметил ее любезность и красоту в беседе с Наталией Кирилловной Загряжской, родственницей Гончаровых.

Знал о царских комплиментах и Пушкин. Чему есть подтверждение – его письмо к невесте, где, описывая свой визит к старой кавалерственной даме, фрейлине двух императриц, Пушкин отмечает, что она «повторила мне комплименты государя на ваш счет – и мы расстались очень добрыми друзьями».

Романтический облик Натали Гончаровой, усиленный образами ее героинь в живых картинах, оставил яркий след в душе и памяти поэта.

И вновь его письмо к невесте. Пушкин только что покинул Москву и уже спешит поделиться дорожными впечатлениями с милой Натали: «...За несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского... Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына».

...В далеком 1830 году вышел в свет журнал «Московский телеграф» с литографией картины Пьера Нарцисса Герена, где Эней, спасшийся из горящей Трои и волею судеб оказавшийся в Карфагене, повествует царице о своих странствиях. Там же для читателей модного журнала прилагалось «изъяснение картинки»:

«Московские любители изящных искусств припомнят, что в числе живых картин, представленных нынешнею зимою у князя Д.В. Голицына, была и Геренова Дидона. Карфагенскую царицу представляла М.А. Ушакова; Энея и Аскания – князь А.С. Долгорукий и А.С. Ланской; сестру Дидоны – Н.Н. Гончарова».

Кто первый? Можете у «Телеграфа»
Спросить и хорошенько все узнать...

В живой картине вместе с юной Наташей участвовал молодой человек Александр Сергеевич Ланской – ему досталась роль сына Энея Аскания. Не правда ли, какое роковое сочетание имени первого мужа Наталии Гончаровой с фамилией ее второго супруга! Самого же Энея играл князь Долгоруков – тоже Александр Сергеевич!

Будущее подчас, словно позабавясь над смертными, слегка приоткрывает свою завесу, но им не дано распознать тайных знамений.

Живые картины и участие в них первой московской красавицы были тогда поистине у всех на устах.

Но какие же сцены были представлены в тех картинах? Известно, что предпочтение отдавалось мифологическим сюжетам. Та живая картина, в которой играла Натали, поставлена была на сюжет древнеримского мифа о Дидоне. Натали исполняла в ней роль младшей сестры Дидоны, ибо по возрасту она никак не могла предстать в образе самой трагической царицы, и вызывала всеобщий восторг своей небесной красотой.

Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность...

«Карфагенская царица»

Кто же она, эта мифическая Дидона? И какой эпизод из ее необыкновенной, полной героических деяний жизни был представлен вниманию избранной публики в московском особняке князя Голицына?

Дидона – дочь царя Тира, покровителя письменности и наук. Ей суждено было стать женой Акербаса, жреца могучего Геракла, но супружеское счастье длилось недолго... Пигмалион, родной брат Дидоны, убил ее мужа, дабы завладеть всеми его богатствами. Это был тот самый Пигмалион, что, согласно мифу, изваял статую Галатеи и страстно влюбился в нее, а богиня любви Афродита, вняв мольбам художника, оживила его прекрасное творение.

Дидона же, оставшись вдовой, вынуждена была бежать в Северную Африку. Там купила она у берберского царя Ярба землю и основала на ней город-крепость Карфаген. Царь Ярб, покоренный красотой и умом Дидоны, настойчиво домогался ее руки, но она, желая сохранить верность погибшему мужу, его памяти, по собственной воле взойшла на жертвенный костер...

Была и другая версия этого мифа, ставшая известной благодаря героическому эпосу «Энеида» римского поэта Вергилия. Царица Дидона страстно полюбила троянского героя Энея, корабль которого страшная морская буря забросила к Карфагену. И когда божественный Юпитер послал к Энею гонца с приказом плыть в Рим, Дидона предпочла смерть на костре разлуке с любимым. Но перед своей гибелью она предсказала кровавую вражду Рима и Карфагена. Пророчество ее, как известно, сбылось.

Миф о карфагенской царице Дидоне был чрезвычайно популярен в европейском искусстве XVII–XVIII веков. Не счесть, сколь много композиторов, поэтов и драматургов вдохновил он на создание опер, поэм и пьес, посвященных великой вдове древности. В России снискали известность две драмы, написанные по мотивам римского мифа с одинаковым названием «Дидона» – Я.Б. Княжнина и М.Н. Муравьева. Воспели жертвенный подвиг царицы и прославленные западные живописцы – Гверчино, Тьеполо, Рубенс запечатлели на своих полотнах героическую смерть Дидоны.

Да и сам Пушкин прекрасно знал этот поэтический миф. В стихотворении «Калмычке», написанном им по пути на Кавказ, всего через три недели после первого неудачного сватовства к Натали Гончаровой, есть такие строки:

Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov,è...

«Ma dov,è» – так начиналась ария из итальянской оперы «Покинутая Дидона». И в заметках о русском театре Пушкин пишет об игре одной актрисы «в роли Дидоны» в пьесе Княжнина. И даже о сценическом костюме карфагенской царицы есть упоминание поэта – «в венце и мантии».

«И прелесть Гончаровой»

Встреча Пушкина с «живописной» Дидоной состоялась весной 1830 года в Архангельском, подмосковном имении князя Николая Борисовича Юсупова.

Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались...

Из обычной подмосковной Архангельское стараниями князя превратилось в «Русский Версаль», – загородную резиденцию, поражавшую гостей изысканностью дворцово-паркового ансамбля: триумфальными воротами, великолепным зеленым партером, статуями, террасами, павильонами, храмом-памятником Екатерине II...

И хоть беды, одна страшней другой, преследовали его детище (война 1812 года, бунт господских крестьян, пожар в 1820-м), всякий раз Архангельское возрождалось и хорошело. Правда, москвичи видели иную причину всех злоключений барской усадьбы. «Бедный Юсупов! Бедное Архангельское! – восклицал современник. – Зачем он эдакое имя оставил: архангелы, я думаю, ему не очень покровительствуют, ибо он часто возит туда своих мамзелей». Впрочем, слабость прощительная для вельможи, чья молодость пришлась на куртуазный восемнадцатый век.

Милостями матушки-государыни Екатерины Николай Юсупов был вознесен на небывалую высоту. Именно с ее рекомендательными письмами к европейским монархам в 1774 году он впервые покинул пределы Российской империи.

В князе Юсупове счастливо сошлись Восток и Запад. Природа поступила непредсказуемо, обратив потомка ногайского мурзы в просвещенного европейца. Перед молодым дипломатом открылись великие города: Рим и Париж, Лондон и Турин, Венеция и Мадрид; его взору предстали небывалые сокровища. Счастливейшие годы – князь впитывает в себя культуру чужеземных государств, ему дарована редкая и счастливая возможность вести ученые беседы с Вольтером и Бомарше, встречаться с Папой Пием VI. Восемнадцатый век распаивает ему свои объятия.

Эстет «безумного и мудрого» осмнадцатого столетия, князь Николай молод, богат, умен – везде, при всех европейских дворах принят и обласкан. Николай Борисович выполняет волю императрицы, он покупает произведения живописи для государыни, для Эрмитажа, но не забывает и о себе.

У князя Юсупова особый талант – творения великих европейцев: Рубенса, Тициана, Корреджо, Греза, Вилле-Лебрена так и плывут к нему в руки. А от сиятельного князя – прямой путь в сокровищницы Петербурга и в подмосковное Архангельское.

Великолепный, полный изысканной роскоши дворец, собранные в нем коллекции старинного фарфора и серебра, богатейшая библиотека – «ученая прихоть» старого князя, чудесный парк, населенный мраморными кумирами, – все в Архангельском пленяло воображение Пушкина.

Не без гордости показывал гостю екатерининский вельможа свою картинную галерею, одну из лучших в России, соперничавшую разве что с императорской коллекцией в Эрмитаже. Какое созвездие великих: Буше, Корреджо, Тьеполо, Канова, Герен!

Беспечно окружась Корреджием, Кановой...

В числе величественных творений, что украшали стены дворца в Архангельском, был и совсем небольшой этюд кисти Пьера Нарцисса Герена «Эней и Дидона», написанный художником к большому полотну, хранившемуся в Лувре. Но вот этот живописный этюд и привлек внимание Пушкина. Именно его сюжет: «Эней рассказывает Дидоне о несчастьях Трои» и был представлен в той живой картине, что вызвала восторги гостей на святочном балу у князя Голицына. И соединенной с именем невесты поэта.

А, быть может, на «Герену Дидону» указал Пушкину сам хозяин? И надо полагать, что разговор меж поэтом и князем тем мартовским днем шел и о недавнем, столь нашумевшем в Москве представлении – живых картинах у князя Голицына.

Старый князь большой знаток женской красоты. Женолюбив – в его жилах клокочет знойная татарская кровь. Княжий «гарем» так и остался тайным, и уже никому не узнать, сколько красавиц – русских, итальянок, француженок – являли свою снисходительность российскому меценату. По свидетельству известного историка Д.Н. Бантыш-Каменского: «Князь Николай Борисович Юсупов ... даже в старости маститой приносил дань удивления прекрасному полу».

Ценитель изящных искусств. Ценитель женской красоты. И уж не мнением ли князя Юсупова о двух юных московских красавицах интересовался тогда Пушкин? И был несказанно рад, что восторги старого вельможи оказались созвучны его чувствам!

Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

Каждой из красавиц воздано должное.

Живая картина, в коей участвовала Натали Гончарова, и с таким блеском, что, и сама того не желая, заставила говорить о себе всю аристократическую Москву, удивительнейшим образом связана с шедевром из собрания русского мецената князя Николая Юсупова.

И этим двум картинам – живой и живописной – суждено было стать знаковыми в истории любви Пушкина и его избранницы!

На набережной Мойки

Картина французского живописца после смерти старого князя, последовавшей в июле 1831-го (и вызвавшей эмоциональный отклик Пушкина: «Мой Юсупов умер»), еще несколько лет служила украшением дворца в Архангельском. Затем, по воле князя Бориса Николаевича Юсупова, единственного сына-наследника, ее в числе других шедевров доставили в Петербург.

Случилось то, по странному стечению обстоятельств, в 1837-м, в год смерти поэта. В январе из Архангельского был отправлен первый обоз с часами, зеркалами, скульптурой, а в феврале в северную столицу на набережную Мойки (!), во дворец князей Юсуповых, прибыл второй – с самыми дорогими полотнами из фамильной галереи. Была среди них и «Геренова Дидона»...

В то же самое время Наталия Николаевна, обессиленная от горя и слез, вместе с осиротевшими детьми покидала дом на набережной Мойки, оставляла Петербург... Как знать, не пересеклись ли в том печальном феврале пути живописной Дидоны, великой вдовы древности, и Наталии Пушкиной, вдовы поэта?

Необъяснимые «странные сближения»! А в покинутом доме, в последней петербургской квартире поэта, среди рукописей и книг затерялась небольшая картинка. На листке бумаге – любительский акварельный набросок, повторявший картину Герена: младшая сестра Дидоны, в тюрбане и тунике, грациозно облокотилась на спинку античного ложа. По краю листа надпись на французском: «Turban vert, tunique violette» («Тюрбан зеленый, туника лиловая»). Вероятно, картинка с подобными указаниями предназначалась для портного, коему был заказан сценический костюм для младшей Гончаровой. Но есть и смелое предположение: рисунок, а это копия с картины Герена (!), сделан рукой самой Натали – в память о ее первом светском успехе!!

Не удивительно ли, что и на Царскосельской даче, где прошли первые счастливые месяцы супружества Пушкиных, а ныне в мемориальном доме-музее можно встретить все

тот же античный сюжет? «Геренова Дидона» представлена на одной из парных фарфоровых ваз! И, как знать, не из знаменитой ли юсуповской коллекции и сами антикварные вазы?

Предсказание графини

На календаре Российской империи – год 1830-й. Натали молода и прекрасна, ей минуло семнадцать, и она невеста знаменитейшего в России поэта. И не могут быть безразличны юной красавице те особые знаки внимания, что оказывает ей Александр Пушкин. Ведь она и сама втайне от всех пишет стихи...

Совсем скоро она станет женой поэта. И проницательнейшая графиня Долли Фикельмон напишет о новобрачных:

«Жена его – прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем; у Пушкина видны все порывы страстей, у жены вся меланхолия отречения от себя».

И вновь строки из письма графини:

«Пушкин у вас в Москве; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность».

К несчастью, предсказания Долли Фикельмон сбылись. Наталии Гончаровой-Пушкиной, подобно мифической Дидоне, суждено будет стать вдовой. Великой вдовой. И так же, как в древнем мифе, убийцей ее мужа станет близкий родственник – барон Жорж Дантес.

Муж Дидоны – жрец, прорицатель. Но ведь и супруга Натали – российского гения Александра Пушкина – нарекут пророком и прорицателем людских судеб.

«Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее, – заверял Пушкин мать невесты в письме от 5 апреля 1830 года (в Страстную субботу!) накануне помолвки, – но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, – эта мысль для меня – ад».

Дидона несла свое вдовство стоически. И Наталия Николаевна, оставшись вдовой (нет, не блестящей, как представлялось жениху-поэту) в двадцать четыре года с четырьмя малыми детьми на руках, повела себя мужественно и достойно. После кончины Пушкина она, следуя его совету, уединилась в родовом имении и вела там почти отшельническую жизнь.

И позже, возвратившись в Петербург, жила очень скромно. Магическое имя вдовы поэта и ее изумительная красота многим кружила головы. «То трудное положение, в котором вы находитесь, отчасти проистекает из-за вашей красоты, – наставлял Наталию Николаевну князь Вяземский. – Это – дар, но стоит он довольно дорого».

В числе претендентов на ее руку были и блестящий дипломат Н.А. Столыпин, и князь А.С. Голицын, и секретарь неаполитанского посольства граф Гриффео. Один из них попытался было выяснить, не согласится ли Наталия Николаевна в случае нового замужества отдать своих детей на воспитание в казенные учебные заведения? «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!» – был ее ответ.

И как знать, не случись в ее жизни встречи с Петром Петровичем Ланским, человеком удивительной души, Наталия Николаевна так бы и осталась вдовой. Но и во втором своем замужестве она свято чтит память Пушкина, сумев передать и детям свою любовь к нему.

...Ну, а живая картина, воскресившая сюжет живописного шедевра Герена из юсуповской коллекции, и образ, созданный юной барышней Гончаровой, остались в памяти современников-москвичей. «Здесь помнят обо мне как участнице живых картин тому 26 лет назад и по этому поводу всюду мне расточаются комплименты», – записала Наталия Николаевна накануне памятного для нее дня – двадцатипятилетия венчания с Пушкиным. Несбывшейся «серебряной» свадьбы.

Штурм «крепости Карс»

*Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает
Стерляжсьей потчует ухой...
<...>
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь него стихи
И производит в женихи*

А.С. Пушкин (из черновых набросков «Евгения Онегина»)

«Я очарован, я горю...»

Московская барышня давным-давно минувшего века – Катенька Ушакова. Несостоявшаяся невеста поэта. Соперница «первой романтической красавицы» Натали Гончаровой.

Вернее, волею судеб именно Натали суждено было стать ее соперницей. Хотя бы потому, что встреча семнадцатилетней Катеньки Ушаковой с поэтом состоялась намного раньше – осенью 1826 года.

Та давняя осень была особо примечательной – в Москву после двухлетнего изгнания вернулся знаменитый Пушкин! Древняя столица встречала поэта как героя и триумфатора. «Пушкин, молодой и известный поэт, здесь, – полнится слухом Москва. – Альбомы и лорнеты в движении».

«Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре, – восторженно, по первым впечатлениям запишет в своем девичьем дневнике Ушакова-младшая, Елизавета, – имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли были обращены на одного человека...» Этот знаменательный день – 12 сентября 1826 года – навсегда останется в памяти и ее старшей сестры. А вскоре, на одном из веселых рождественских балов, чем всегда славилась Первопрестольная, и сама Екатерина познакомится с поэтом.

Во всяком случае, уже в декабре Пушкин получает приглашение от главы семейства посетить его дом. И с тех пор становится там самым частым и желанным гостем...

Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю...

Это поэтическое признание, обращенное к Екатерине Ушаковой, датировано апрелем 1827-го. Значит, и знаменитое пушкинское «очарован» было адресовано первой ей, Катеньке, а затем уже чудесным образом трансформировалось в экспромт «очарован – огончарован».

По удивительному совпадению дома двух красавиц были по московским меркам совсем близко: Гончаровых – на Большой Никитской, а Ушаковых – на Средней Пресне. По этим двум улицам пролегал излюбленный в то время маршрут поэта.

И в девичьем альбоме Ушаковой-младшей портреты Екатерины и Натали, в изобилии представленные там, – в опасной близости, на соседних страницах.

Имена двух претенденток на сердце поэта – «моя Гончарова» и Ушакова «моя же» – упомянуты почти одновременно и в известном письме Пушкина к Вяземскому.

Кто же она, будущая госпожа Пушкина? Шутка шуткой, но похоже, что еще в начале 1830-го разрешить этот мучивший поэта вопрос было весьма болезненно. А тремя годами ранее для московских кумушек он был положительно решен.

Из дневника Елены Тепловой, знакомой Ушаковых (22 июня 1827 г.):

«Вчера мы обедали у N, а сегодня ожидаем их к себе; чем чаще я с ними вижусь, тем более они мне нравятся! Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому что, по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уж положил оружие свое у ног ее, то есть, сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва, а глас народа – глас Божий.

...В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепианах его «Талисман», в альбоме – несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина».

Истинная правда, Катенька Ушакова любила поэта самозабвенно. Так уж случилось, что именно Пушкину суждено было стать первой и, может быть, единственной любовью этой насмешливой, острой в суждениях, не по годам проницательной барышни. К тому же не лишенной и привлекательности. Чего стоит хотя бы ее словесный портрет, сохранившийся в памяти современника и записанный с его слов первым пушкинистом Петром Бартевым: «... Блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами» и густыми косами, нависшими до колен. Не преминул безымянный свидетель особо отметить ее «очень умное выражение лица».

Впрочем, о сестрицах Ушаковых поговаривали, что обе они отмечены «живым умом и чувством изящного».

«В отдалении от вас»

Золотой блеск литературы XIX столетия почти затмил одно из ее потаенных богатств – эпистолярное наследие. Жанр, зачастую безыскусный и не предназначенный для чужих глаз, а оттого – искренний и трепетный. Старые письма – самые беспристрастные документы эпохи. Эти пожелтевшие хрупкие листки обладают необычайной силой – с легкостью пробивать тяжкие пласты столетий: напрямую, безо всяких толкователей и посредников, обращаться к человеческим сердцам.

Из письма Елизаветы брату И.Н. Ушакову (26 мая 1827 г.):

«По приезде я нашла большую перемену в Катюше, она ни о чем другом не может говорить, кроме как о Пушкине и о его сочинениях. Она их знает все наизусть, прямо совсем рехнулась. Я не знаю, откуда в ней такая перемена. В эту самую минуту, пока я вам пишу, она громко читает «Кавказского пленника» и не дает мне сосредоточиться...»

На листе – надпись на французском: «1827 года мая 26, памятный для Екатерины день – рождение Пушкина».

Из письма Екатерины (приписка к письму младшей сестры):

«Он уехал в Петербург, – может быть, он забудет меня, но нет, нет, будем верить, будем надеяться, что он вернется обязательно... Город опустел, ужасная тоска (любимое слово Пушкина). До свидания, дорогой брат, остаюсь твоя Катичка, а кое для кого ангел».

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен...

В мае, перед отъездом в Петербург, Пушкин заглянул к Ушаковым, и на прощанье записал эти стихи в альбом Катеньке. Просто до обыденности: уехал и забыл. Вот уж поистине:

Мы знаем – вечная любовь
Живет едва ли три недели...

Да, поэт пережил новую страсть, хоть и скоротечную, вспыхнувшую в нем с необычайной силой, к милой Аннет Олениной. Чуть было не ставшей его супругой. Но и в ее глазах Пушкину виделась та же поэтическая томность, что прежде – у «ангела» Катеньки:

И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..

Были и другие «петербургские» увлечения, не столь, правда, яркие и сильные: и Аграфена Закревская, «беззаконная комета», и роскошная, полная неги красавица-полька Елена Завадовская...

Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

А для Катеньки Ушаковой эти полтора года разлуки обратились вечностью. Не зря близкие называли ее Сильфидой, прорицательницей – за особый, редкий дар ясновидения.

И все же Пушкин вернулся в Москву. Вернулся только в декабре 1828-го. И словно для того, чтобы в канун новогодья встретить на рождественском балу юную Натали и в январе вновь исчезнуть из столицы.

Приехал в Москву лишь в марте 1829-го. И тотчас к ней, к Катеньке. Однако какая дурная весть – его Ушакова помолвлена! По семейному преданию, Пушкин, узнав «плоды своего непостоянства», растерянно воскликнул: «С чем же я-то останусь?» И получил от чужой невесты достойный ответ: «С оленьими рогами!»

Но время Аннет Олениной безвозвратно миновало – с «ангелом Рафаэля» произошла непостижимая метаморфоза: небесное создание вдруг превратилось в капризное и жеманное существо. И тогда на «царственный трон», воздвигнутый в сердце поэта, вновь возшла Екатерина.

И вот здесь, быть может, единственный раз в жизни, Пушкин предпринял несвойственные ему действия: собрал «компромат» на своего соперника и предоставил его батюшке невесты – Николаю Васильевичу Ушакову.

Претендент на руку и сердце Катеньки – князь Александр Долгоруков, закаленный в жарких схватках войны 1812 года, а в ту пору – адъютант военного министра Горчакова, был

на пятнадцать лет старше невесты. Числил себя писателем и даже поэтом (позднее он издаст сборник сочинений в прозе и стихах).

Из письма В.Л. Пушкина князю П.А. Вяземскому (8 августа 1828 г.):

«Старшая Ушакова идет, говорят, замуж за Долгорукова... Однако помолвка еще не объявлена».

Свадьба Катеньки считалась делом почти решенным – Василий Львович, дядюшка поэта, был в курсе всех московских судьбоносных событий.

И однажды, в его доме на Старой Басманной, за праздничным столом собрались в одночасье все участники классического «треугольника».

Из письма князя П.А. Вяземского жене (19 декабря 1828 г.):

«Мы вчера ужинали у Василия Львовича с Ушаковыми, пресненскими красавицами, но не подумай, что это был ужин для помолвки Александра. Он хотя и влюбляется на старые дрожжи, но тут сидит Долгорукий горчаковский и дело на свадьбу похоже...»

Из письма В.Л. Пушкина князю П.А. Вяземскому (4 апреля 1829 г.):

«Вот тебе новость. Кн. Долгорукой не женится на Ушаковой. Ему отказали; но причины отказа мне не совсем известны. Говорят, будто отец Ушаков кое-что узнал о нем невыгодное. Невеста и бывший жених в горе... Жаль бедной девицы и жаль, что родители ее поступили в сем случае неосторожно и позволили дочери обходиться с женихом слишком ласково».

«Трудясь над образом прелестной Ушаковой...»

Какие сведения раздобыл Пушкин, порочащие достоинство и честь жениха, история об этом умалчивает, но поэт достиг желаемого – в руке Екатерины князю было отказано. Можно было спокойно вздохнуть... и продолжить, как ни в чем не бывало, посещения ушаковского дома на Пресне. Иногда до трех раз в день! Вновь возобновились игривые ухаживания (в том числе и за младшей, Елизаветой), дружеская пикировка, рисунки в альбомах сестер, памятные подарки. Екатерине, накануне ее дня рождения (третьего апреля 1829 года ей исполнялось двадцать лет) поэт преподносит только что увидевшую свет его новую поэму «Полтава». Подписывает: «Екатерине Николаевне Ушаковой от Пушкина». Ставит дату – «1 апреля» – и подчеркивает ее, надо полагать, отнюдь не случайно.

В тот же первоапрельский день, день веселья и розыгрышей, поэт запечатлел на альбомной странице Катеньку в полный рост, с обернутым вокруг шеи длинным шарфом (видимо, Екатерина Николаевна к шарфам питала особое пристрастие), с лорнеткой в руке. И снабдил рисунок поэтической строчкой: «Трудясь над образом прелестной Ушаковой...» Возможно, трудились над портретом сообща и Екатерина, и Пушкин – слишком характерны оба рисовальщика.

Все было почти так же, как и той прежней счастливой весной. Казалось, мир и покой вновь воцарились в растревоженной душе Катеньки. Но испытания для нее только начинались, и не дано было предсказать юной Сивилле ход дальнейших событий...

Почти одновременно – в тот же месяц и в тот же год! – Пушкин переступил заветный порог дома на Большой Никитской. Но какие удивительные превращения происходят вдруг с самим поэтом: остроумный, веселый, непринужденный – в семействе Ушаковых; робкий, даже застенчивый – в гостях у Гончаровых!

«Карс, Карс!»

Две избранницы, две очаровательные московские барышни непостижимым образом (и довольно долго!) сосуществуют в сердце поэта. Но мира быть не могло. Сестры Ушаковы – против сестер Гончаровых, вернее, против одной, младшей, Наталии. Война была объявлена.

Свидетелем тех давних баталий стал альбом Елизаветы Ушаковой, счастливо сохранившийся до наших дней. Каким только нападкам ни подвергалась бедная Натали, как только ни высмеивали ее сестрицы Ушаковы, дав волю своим злым язычкам! Один из рисунков в альбоме (кто был его автором – Катерина или Лиза – уже не узнать) запечатлел Натали в весьма комичном виде: с носовым платочком в руке, в каких-то несурзных туфлях, стоящей в луже слез. Рисунок сопровождался целым «монологом» от имени плачущей «героини»:

«Как вы жестоки. Мне в едаких башмаках нельзя ходить, они мне слишком узки, жмут ноги. Мозоли будут».

Намек более чем прозрачный: туфельки малы, и Золушке не бывать принцессой. Сестры подсмеивались над Натали вовсе не дружески – нужно же было найти хоть один изъян в «первой московской красавице». И удар был направлен с меткостью снайпера – в самую чувствительную, болевую точку поэта, известного своей слабостью к маленькой женской ножке.

(Свадебные туфельки Натали хранятся ныне в Петербурге, в доме на Мойке. На их узеньких следах различима цифра «4», что соответствует современному тридцать седьмому размеру. И надо полагать, ножка юной красавицы полностью гармонировала с ее, по тем временам высоким, ростом!)

На рисунке изображены и тянущиеся к Натали руки с длинными хищными ногтями (известна любовь Александра Сергеевича к длинным ногтям). В левой руке, с тщательно выписанным огромным перстнем («визиткой» поэта!), – письмо барышне. Под рисунком надпись: «Карс! Карс, братъ, братъ, Карс!»

Предание, сохраненное в семье Ушаковых, объясняет, почему Пушкин так шутливо называл Натали, представлявшей ему столь же неприступной, как и турецкая крепость Карс. Но в этом прозвище заключалась и надежда – ведь крепость несколько раз бралась русскими войсками, и в последний раз совсем незадолго до описываемых событий – в 1828 году. Кстати, любопытный исторический факт – в России была выбита медаль «На взятие Карса»!

И у самого поэта еще свежи были воспоминания, когда в июне 1829-го, во время своего путешествия в Арзрум, ему довелось-таки добраться до Карса. И осматривая крепость, «выстроенную на неприступной скале», не переставал удивляться, как русские смогли овладеть Карсом!

Из письма Екатерины брату И.Н. Ушакову (январь – март 1830 г.):

«Карс день со дня хорошеет, равномерно как и окружающие ее крепости, жаль только, что до сих пор никто не берет штурмом – ... недостаток пушек и пороху».

Слово «пушек» в письме жирно подчеркнуто, и, верно, не случайно. Похоже, тогда для Екатерины забрезжила слабая надежда, что «штурм» крепости отменяется – Пушкин почти отказался от бесплодных попыток взять «Карс», ведь с «маминькой Карса» он явно не ладил...

Еще один рисунок в альбоме. Сюжет почти тот же: Натали изображена в полный рост, – и к ней тянутся готовые вот-вот сомкнуться вокруг изящной шейки ... пушкинские руки. Видимо, сама художница, осознав, что шутка переходит грань дозволенного, тут же реши-

тельно их перечеркнула. В чем подтекст рисунка? Нет ли здесь зримой ассоциации: Отелло – Пушкин; мавр – арап?

Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?

А по краю страницы вновь, словно пароль, начертано «имя» – Карс.

Некоторые портреты Натали в «Ушаковском альбоме» лишь слегка «зашифрованы». Вот рядом с профильным изображением юной особы в замысловатом головном уборе ровным, явно женским почерком сделана надпись:

«Любовь слепа среди света
И кроме своего —
Бесценного предмета
Не видит ничего».

А чуть ниже проставлены инициалы: «Н.Г.»

Стихи эти, если их можно таковыми назвать, очень уж дамские. И авторство их угадывается: Екатерина либо Елизавета Ушаковы. Видно, той же девичьей рукой путем нехитрой операции подправлен и «слишком» правильный профиль «Н.Г.»: носик ее еще раз прорисован: слегка «вздернут» и заострен. Над рисунком проставлена цифра – 130. Вероятно, такая нумерация являлась продолжением некоего флирта между сестрами и поэтом, иллюстрацией к его знаменитому «донжуанскому списку», точнее к двум спискам, представленным на тех же альбомных страницах. Пушкин будто примеряет на себя образ Дон-Жуана, знаменитого искусителя женских сердец, а счет его победам (порой просто астрономический!) «ведут» сестры. Самый большой номер – с множеством нулей – «выставлен» над портретом Натали!

Отголоски этой игры эхом отозвались и в одном из посланий поэта.

Из письма Пушкина княгине В.Ф. Вяземской (конец апреля 1830 г.):

«Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена».

«Полон верой и любовью»

В «портретной галерее» «кисти» сестер Ушаковых есть еще одно изображение Наталии Гончаровой. И, стоит заметить, не лишенное художественных достоинств.

Соперница представлена в необычном ракурсе: со спины, в изящной шляпке, украшенной перьями, и с веером в руках. На ней – нарядное кружевное платье, с тщательно выписанными ажурными воланами, идущими по спинке и пышным рукавам; на шее – жемчужная нить. В верхнем левом углу надпись: «О горе мне! Карс! Карс! Прощай, бел свет, прощай, умру».

Разгадка рисунка – в раскрытом веере, в который вписаны слова католической молитвы: «Stabat Mater dolorosa».

Именно это старинное песнопение, повествующее о страданиях Девы Марии, исполненное в марте 1829-го на домашнем музыкальном вечере сестрами Ушаковыми, так восхитило некогда стихотворца и журналиста князя Шаликова: «Две прекрасные хозяйские дочери

пели первую часть «Stabat Mater» знаменитого Перголези, уже 100 лет существующей – во всей славе и свежести, и пели, как ангелы...»

Конечно же, этот ангельский дуэт (сопрано – у Екатерины, контральто – у Елизаветы) мог слышать не раз и Пушкин. Во всяком случае, история создания стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» («Легенда», как первоначально именовал его поэт) связана именно с этим латинским гимном:

...Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

«Ave, Mater Dei» – «Радуйся, Матерь Божия».

До роковой для Екатерины Николаевны развязки – свадьбы поэта – оставалось чуть менее двух лет. Но на «щите» Пушкина уже пылали строки поэтической молитвы к Прекрасной Даме, к его Мадонне...

«С тоской невольной»

Поистине, все смешалось в те дни в доме Ушаковых! Такие частые посещения семейства, где были две дочери на выданье, обязывали считать поэта женихом. Но Ушаковы-родители всерьез Пушкина, как будущего мужа Катеньки, похоже, не воспринимали. А сам поэт вовсе не желал прерывать приятельских отношений с милыми сестрицами. И в одно из своих посещений, в сентябре 1829-го, он подарил Екатерине только что вышедшую книгу его стихотворений с дарственной надписью: «Всякое даяние благо – всякий дар совершенен свыше есть». Написал на обложке и еще одну, довольно странную строчку: «Nec femina, nec puer». (Ни женщина, ни мальчик – *лат.*).

Считается, Пушкин намекает якобы на непосредственный, по-мальчишески резвый характер Катеньки. Но не возвращает ли это необычное посвящение вновь к сердечным сомнениям поэта? И не перекликается ли оно со стихотворением, написанным еще в пору его прежней влюбленности и обращенным к Екатерине Ушаковой? Вернее, с одной лишь строкой: «Но ты, мой злой иль добрый гений...»

Пушкин, проштудировавший еще в лицейские годы мифы Греции и Рима, не мог не знать о древнем культе гениев – божественных прародителей рода. Два гения – злой и добрый – предполагалось у каждого человека, от коих и зависели его поступки, характер да и будущая судьба. Собственных гениев имели не только граждане, но и города. Гению Рима на Капитолийском холме был посвящен щит с надписью: «Или мужу, или жене». Простым смертным не дано было знать, кто же гений, покровительствующий городу – мужчина или женщина? Равно как и его имя. Это знание даровалось лишь избранным и сохранялось ими в величайшей тайне, дабы враги не смогли переманить гения-покровителя к себе.

«Ни женщина, ни мальчик» – надпись, сделанная поэтом также на латыни. Не рождает ли она далекие, но вполне возможные ассоциации: тогда, в сентябре, Пушкин вовсе не желал, чтобы Катеньку Ушакову, без сомнения, его доброго гения, «переманил» бы некий условный

враг? Ведь такую опасность, в лице князя Долгорукова, ему удалось отвести минувшей весной.

... Не прошло и месяца, как Пушкин вновь уехал из Москвы: вначале в Тверскую губернию, потом в Петербург. Правда, время от времени он посылает Екатерине дружески шуточные поклоны.

Из письма Пушкина С.Д. Киселеву, жениху Елизаветы Ушаковой (15 ноября 1829 г.):

«В Петербурге тоска, тоска... Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hôtel d'Angleterre (название московской гостиницы «Англия». – *Авт.*) мимо Карса! по крайней мере мочи нет, хочется».

Однажды, в конце года, написала ему и Катенька. Но вот о чем – сказать уж не сможет никто, письмо ее не сохранилось...

Пушкин откликнулся на ее послание (к слову сказать, анонимное!) своим последним поэтическим приветом:

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас...

Более того, «Ответ» был напечатан вскоре же – в январском номере «Литературной газеты» за подписью «Крс». Принято считать, что это – сокращенная анаграмма прозвища поэта «Сверчок». А не логичней ли прочесть его как «Карс»? Ведь подпись, по сути, и заключает в себе ответ – Екатерине ясно давалось понять, кому отныне принадлежит сердце поэта. И если этот посыл верен, то каким же тогда иным, по-рыцарски благородным, видится пушкинское послание!

Из писем Екатерины брату И.Н. Ушакову (апрель 1830 г.):

«Алексей Давыдов был с нами в собрании и нашел, что Карс должна быть глупенька, он по крайней мере стоял за ее стулом в мазурке более часу и подслушивал ее разговор с кавалером, но только и слышал из ее прелестных уст: да-с и нет-с»;

«Карс все так же красива, как и была, и очень с нами предупредительна, но глазки ее в большом действии, ее А.А. Ушаков прозвал Царство Небесное, но боюсь, чтобы не ошибся, для меня это сущее чистилище...»

Предчувствие ее не обмануло, боялась она не зря... Как любила Екатерина заглядывать в будущее, как не терпелось ей приоткрыть новую страницу тайной книги бытия! Но будущность виделась ей не в романтическом флере, ведь рядом, даже и в горьких, полных иронии, мечтаниях, уже не было Пушкина...

Из письма Екатерины брату И.Н. Ушакову (23 мая 1830 г.):

«Скажу про себя, что я глупею, старею и дурнею; что еще годика четыре, и я сделаюсь спелое дополнение старым московским невестам, т. е. надеваю круглый чепчик, замасленный шлафор, разодранные башмаки и которые бы немного сваливались с пяток, нюхаю

табак, браню и ругаю всех и каждого, хожу по богомольям, не пропускаю ни обедню ни вечерню, от монахов и попов в восхищении, играю в вист или в бостон по четверти, разговору более не имею, как о крестинах, свадьбах или похоронах, бью каждый день по щекам девок, в праздничные дни румянюсь и сурмлюсь, по вечерам читаю Четьи-Минеи или Жития святых отцов, делаю 34 манера гран-пасьянсу, переносу вести из дома в дом...»

Своеобразный кодекс старой девы, изложенный двадцатилетней барышней. Какая меткость и острота суждений! И какая самоирония – качество, столь редкое для женщин! И что за бойкое перо! Но как боялась Катенька подобной судьбы!

«На мой взгляд, нет ничего более отвратительного, чем старая дева – этот бич человеческого рода...» И сколько горечи в ее словах!

Размышляла о том же и соперница Катеньки. Правда, двадцать лет спустя...

Из письма Натальи Николаевны мужу П.П. Ланскому (13 июля 1849 г.):

«В конце концов можно быть счастливой, оставшись в девушках, хотя я в это не верю. Нет ничего более печального, чем жизнь старой девы, которая должна безропотно покориться тому, чтобы любить чужих, не своих детей, и придумывать себе иные обязанности, нежели те, которые предписывает сама природа. Ты мне называешь многих старых дев, но проникал ли ты в их сердца, знаешь ли ты, через сколько горьких разочарований они прошли и так ли они счастливы, как кажется...»

Как сходны их суждения! И обе они, по счастью, избежали этой так страшившей их участи.

Судьба семейных реликвий

И все-таки, как странно, – красавица, умница, Екатерина Ушакова долгие годы оставалась в старых девах. Что тому причиной? Не было равного Пушкину? Быть почти невестой гения – и вдруг разом потерять его любовь...

По счастью, она избежала горькой участи. Вышла замуж поздно, после рокового 1837-го. Год свадьбы неизвестен, – во всяком случае, ей было уже под тридцать. Классическая «перезревшая» невеста. Ее суженым стал вдовец, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии коллежский советник, Дмитрий Николаевич Наумов. Жених, а потом и супруг Екатерины Николаевны вошел в историю пушкинистики своим «подвигом» Герострата. Именно он в первый год женитьбы (по другим сведениям – до свадьбы) потребовал уничтожить два девичьих альбома невесты с драгоценными рисунками и посвящениями поэта. Однажды, в приступе ревности Наумов изломал и ее золотой браслет с зеленой яшмою – подарок Пушкина (видимо, привезенным им из арзрумского похода – по золоту шла надпись на турецком). Екатерина Николаевна носила любимый ею браслет на левой руке, между локтем и плечом, там, где он был сокрыт пышным рукавом платья. (Из золота ревнивец-муж распорядился сделать лорнет, а яшму отдал тестю.) Будто вместе с былыми свидетельствами любви могла кануть в Лету и сама любовь...

Гораздо позже и сама Екатерина Николаевна почти повторила безумный поступок своего супруга. В преклонном возрасте, незадолго до кончины, велела дочери принести заветную шкатулку, где долгие годы хранила письма Пушкина (все же утаила их от супруга!), и сжечь их. И как ни умоляла ее дочь оставить как память эти бесценные листки, она упрямо повторяла: «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна, пусть она и умрет с нами».

Непостижимо – казалось бы, делалось все, чтобы эта тайна ушла в небытие. Но она вовсе не хотела умирать, упрямо пробиваясь тонкими ростками через толщу столетий.

Есть некая удивительная закономерность: необычные находки будто сами собой свершаются к юбилейным датам. Так в 1937-м, в столетнюю годовщину гибели поэта, пушкинисту С.Д. Коцюбинскому удалось разыскать в Крыму архив Ивана Николаевича Ушакова. И обнаружен он был в то самое время, когда вот-вот мог исчезнуть без следа. В числе рукописных документов хранились и адресованные старшему брату Ивану письма сестер Екатерины и Елизаветы.

Судьба ушаковского собрания непроста. После смерти Ивана Ушакова все семейные бумаги перешли к младшему брату Владимиру, а после его кончины в 1878 году – к сыну Григорию. (Григорий был рожден от брака его отца Владимира Ушакова с крепостной – поступок по тем временам более чем смелый!) В свою очередь, его сын – Николай Григорьевич Ушаков, внучатый племянник сестер, и стал хранителем семейных бумаг. Жил он в 1930-х годах в Симферополе и занимал скромную должность счетовода. К фамильному архиву относился весьма ревностно, благоговел перед семейными реликвиями, но отказывался показывать их кому-либо. И даже, когда просьбы нетерпеливых пушкинистов стали походить на требования, пообещал сжечь (фамильная черта!) все бумаги. Понять Николая Григорьевича можно – в те годы принадлежность к дворянскому роду отнюдь не приветствовалась: из солнечного Крыма легко можно было угодить в Заполярье или на Колыму.

Однако Коцюбинскому путем сложнейших, подчас курьезных переговоров удалось убедить владельца архива передать семейные бумаги в государственный фонд. Найденный архив был приобретен дворцом-музеем в Алупке, там и хранился. Так счастливо были спасены старые письма, словно наполненные живыми голосами.

«Огончарован»

Из письма Екатерины брату И.Н. Ушакову (28 апреля 1830 г.):

«В Москве новостям и сплетням нет конца, она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из нее и верно бы не полюбопытничала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и кажется, что не имеет сего благого намерения, *mais on ne peut répondre de rien* (но нельзя отвечать ни за что – *фр.*).

Его брат Лев приехал с Кавказа и был у нас, он очень мил и любезен и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его *bon mot* (острота – *фр.*) про А. Серг., когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов:

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован...»

Подпись: «Барышня с Пресни».

В скорую свадьбу поэта не верила, пожалуй, лишь одна Екатерина. Не хотела верить. И как все изменилось для нее за один, казалось бы, месяц. Ведь еще в марте все было по-иному.

Из письма князя П.А. Вяземского – жене в Москву (20 марта 1830 г.):

«Из Москвы уже сюда пишут, что он женится на старшей Ушаковой. Почему же нет? А шутки в сторону, из несбыточных дел это еще самое сбыточное».

Из письма М. П. Погодина – С.П. Шевыреву в Рим (23 марта 1830 г.):

«Говорят, что он (Пушкин) женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает».

И как быстро наметился перелом – светская молва словно точнейший барометр.

Из письма князя П.А. Вяземского – жене в Москву (27 марта 1830 г.):

«Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого же он теперь влюблен, между прочим? Насчитай мне главнейших...»

Считать долго не пришлось. Ровно через месяц из Петербурга летит новое письмо.

Из письма князя П.А. Вяземского – жене (26 апреля 1830 г.):

«Нет, ты меня не обманывала. Мы вчера на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, у кого попусту пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье жениха».

Из письма князя П.А. Вяземского – Пушкину (26 апреля 1830 г.):

«Гряди, жених, в мои объятия!.. Поздравляю тебя от всей души. Дай Бог тебе счастья, и засияй отныне в жизни твоей новая эра».

Из письма В.Л. Пушкина – князю П.А. Вяземскому (27 апреля 1830 г.):

«Александр женится. Он околдован, очарован, огончарован. Невеста его, сказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует и должна утешить брата моего и невестку».

...И не дано было знать пресненской барышне Катеньке Ушаковой, что тем же числом, что и ее письмо к брату, было помечено и жизненно важное для Пушкина послание.

Из письма А.Х. Бенкендорфа – Пушкину (28 апреля 1830 г.):

«Его Императорское Величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг, и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова... Что же касается вашего личного положения... в нем не может быть ничего ложного и сомнительного... никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор».

Письмо шефа корпуса жандармов и начальника III отделения Его Императорского Величества канцелярии Александра Христофоровича Бенкендорфа прежде всего предназначалось будущей теще, «маминьке Карса», опасавшейся за политическую благонадежность жениха своей Ташеньки. И надо полагать, было незамедлительно ей представлено.

Преград для свадьбы больше не существовало. Словно прорвалась некая плотина, и события понеслись стремительным потоком.

В начале апреля 1830 года поэт вновь делает предложение, и оно принято!

«Я был счастлив, счастлив совершенно, а много ли таковых минут в бедной жизни человеческой?»

(Из романа «Капитанская дочка»)

Пушкин – родителям С.Л. и Н.О. Пушкиным (6—11 апреля 1830 г.):

«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой...

Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо

для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость».

С.Л. Пушкин – сыну (16 апреля 1830 г.):

«Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности... Да благословит небо тебя и твою милую подругу, которая составит тебе счастье».

Н.О. Пушкина – сыну (16 апреля 1830 г.):

«Да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к Нему, моля о твоём счастье... Будь уверен, что если все закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети».

Пушкин – князю П.А. Вяземскому (2 мая 1830 года):

«Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи».

Дядюшка благословил своего племянника самым поэтическим образом. Кстати, он, в отличие от многих, не отказывал в любви к жениху красавицы-невесты, верил в их обоюдную любовь.

...Благодаря судьбу, ты любишь и любим.
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй.

Племянник-поэт дядюшкиному совету внял.

Пушкин – родителям (3 мая 1830 года):

«Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что все улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас».

«Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей...

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье – я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих – а где взять его...

Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Надинька, мой ангел, – она моя!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями... У матери глаза были красны. Позвали Надиньку – она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской богородицы. Нас благословили. Надинька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне – и я жених.

Итак, уж это не тайна двух сердец».

(Именно Наталия Николаевна сохранила этот пушкинский набросок, признанный автобиографическим, и много позже передала рукопись издателю собрания пушкинских сочинений П.В. Анненкову.)

«Нас благословили... Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, – кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение».

(Из романа «Капитанская дочка»).

Н.А. и Н.И. Гончаровы (Пригласительный билет на торжество по случаю помолвки их дочери):

«Николай Афонасьевич и Наталья Николаевна (sic!) Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего Майя 6 дня 1830 года».

Не нужно иметь большого воображения, чтобы представить, каким потрясением стала эта весть для Катеньки Ушаковой, дошедшая до нее в тот же день! Ее соперница, эта «неприступная крепость» Карс, с тихой радостью «сдалась» на милость победителя.

Из «Путешествия в Арзрум», глава вторая:

«**Участь моя должна была решиться в Карсе.** Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь...»

Из черновых тетрадей Пушкина (автобиографический отрывок):

«**Участь моя решена.** Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – боже мой – она... почти моя».

Екатерина Ушакова виделась с поэтом в Москве 30 апреля 1830 года. Тогда, в храме Святых Бориса и Глеба, что на Поварской, венчалась ее младшая сестра Елизавета с Сергеем Киселевым, приятелем поэта, а Пушкин был поручителем со стороны жениха. А незадолго до этой свадьбы имя Екатерины вновь упоминается в письме поэта вместе с именем Натали.

Пушкин – князю П.А. Вяземскому (14 марта 1830 г.):

«Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера...

...А вот что важно: Киселев женится на Лизавете Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости».

И еще однажды, в июне того же года, Катенька виделась с Пушкиным. Сведений об их встречах более нет. Но долго еще, очень долго сердце Екатерины Николаевны будет болезненно сжиматься об одном лишь упоминании любимого имени.

С.Д. Киселев жене из Петербурга (19 мая 1833 г.):

«Под моими окошками на Фонтанке ... народ копошится, как муравьи, и между ими завидел Пушкина (при сем имени вижу, как вспыхнула Катя). Я закричал, он обрадовался, удивился и просидел у меня два часа».

Наталия Николаевна вот-вот должна была разрешиться от бремени своим вторым ребенком. Об этом тоже сообщает супруге Сергей Дмитриевич, но как-то очень уж не по-доброму:

«...Я зван в семейственный круг, где на днях буду обедать, мне велено поторопиться избранием дня, ибо барыня обещает на днях же другого орангутанца произвести на свет».

Не мог тогда он и в самом деле предположить, что это его «домашнее» послание, предназначенное лишь жене Елизавете, будет не единожды опубликовано, войдет и в «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина».

...Будучи уже в зрелых годах (ей было за пятьдесят), Екатерина Николаевна задумала оставить свои мемуары потомкам.

Е.Н. Ушакова, в замужестве Наумова, племяннику Н.С. Киселеву (начало 1860-х гг.):

«Мое повествование о Пушкине будет очень любопытно, в особенности описание его женитьбы».

Благое желание исполнено так и не было. Но все же, вольно или невольно, именно ей, Катеньке Ушаковой, любимой и отвергнутой, и суждено было это свершить: воскресить своими письмами, быть может, самые счастливые и самые тревожные дни в жизни поэта.

Екатерина Николаевна скончалась в июне 1872 года в возрасте шестидесяти трех лет, пережив свою былую соперницу, Наталию Николаевну, почти на десятилетие. А спустя три месяца, в сентябре того же года, умерла и ее младшая сестра Елизавета, в семействе которой был счастливо сохранен бесценный «Ушаковский альбом».

Пушкинская Москва: виртуальная и живая

Давным-давно нет уже гончаровского дома на Большой Никитской. Он был снесен еще в конце позапрошлого века за ветхостью, а на его месте выстроен изящный каменный особняк. Нет ныне и московского дома Ушаковых.

В 1821 году статский советник Николай Васильевич Ушаков перебрался со своим семейством из Тверской губернии в Москву, где и поступил на службу в Комиссию по делам строительства. Тогда Пресня, считавшаяся городской окраиной, была одним из любимых мест прогулок москвичей, так называемых «Пресненских гуляний».

«Сие место, – как писалось в старинном путеводителе, – было некогда подобно Неглинной в болотистом и тинистом состоянии. Вкус и искусство все преобразили. Деревья, непрестанно питаемые прохладною влагою, пышно раскидывают зеленые ветви свои и как будто бы любуются собою в прозрачной поверхности обширных прудов. Какое гулянье и какие виды!»

Здесь были насажены великолепные цветники, сооружены искусственные водопады, построены затейливые беседки, и дважды в неделю играл оркестр. На Пресненских гуляньях москвичи не раз встречали и Пушкина вместе с очаровательной Катенькой Ушаковой.

По счастью, сохранились старинные литографии, где Пресненские пруды представлены во всей красе, с горбатыми мостиками, соединявшими их берега. Когда-то, чтобы добраться до Ушаковых, Пушкин (то в экипаже, а то верхом), должен был обязательно проехать по одному из них...

Малый Предтеченский переулок ведет к храму. Собор красив и величествен, весь словно сияет первозданной белизной стен, украшенных небесно-голубыми медальонами с ликами святых, и золотом крестов. Храм Рождества Святого Иоанна Предтечи (отсюда и название здешних переулков) счастливо уцелел в смутные годы безвременья. И даже службы в нем так ни разу не прекращались с самого начала его основания – семнадцатого столетия!

Глава семейства Николай Васильевич Ушаков был одним из почетных прихожан храма. И в 1828 году, когда возникла необходимость в постройке новой теплой каменной трапезной, он был одним из тех, кто поставил свою подпись под прошением к московскому митрополиту Филарету: «Статский советник Николай Васильев сын Ушаков руку приложил». Причем имя его поставлено в списке третьим, сразу же за именами настоятеля и старосты.

В прошении упоминалось и имя архитектора Федора Михайловича Шестакова, которому поручалось «смотрение... за прочностью постройки, равно и за приличием и благоле-

пием отделки внутренней и внешней». Но именно архитектор Федор Шестаков возглавлял и строительство храма Большого Вознесения – приходского храма семьи Гончаровых, того самого, где в феврале 1831-го венчался поэт.

И над головой невесты Наталии Гончаровой держали брачный серебряный венец, украшенный образком-медальоном... святой Екатерины! Имена двух соперниц каким-то чудесным, причудливым образом соединились еще раз...

Вот ведь удивительно – домов, родовых гнезд двух известных московских семейств давным-давно нет и в помине, а храмы, ревностными прихожанами которых они были, стоят и поныне. И так же, как в былые времена, звучат под их вековыми сводами молитвы, теплятся перед святыми образами лампы...

Бывал ли в Предтеченском храме Александр Сергеевич? Есть ли тому свидетельства?

Вернемся в самое счастливое время для Екатерины Ушаковой – в весну 1827 года. Тогда она любила и была любимой.

...Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпся!» – говорю.

Под стихотворными строками рукою Пушкина проставлена дата: «3 апр. 1827». В тот день Катеньке исполнилось восемнадцать лет! И по счастливой случайности семейное это торжество совпало с величайшим православным праздником – Светлым Христовым Воскресением!

И можно с уверенностью предположить, что поэт, приехавший в гости к Ушаковым, прежде со всем семейством (замечу, весьма набожным) побывал на утренней пасхальной службе, а после уж зван был и на праздничный обед, данный в честь именинницы. Что косвенно подтверждает и упоминание в поэтическом посвящении Катеньке, пусть и в полушутливом контексте, завершения молитвы, произносимого в церковной литургии.

Вне всяких сомнений, храм на Пресне навеки соединил имя одной из его прихожанок – Екатерины Ушаковой с именем русского гения Александра Пушкина. Нет, не венчальным обрядом. Памятью сердца.

Отдадим должное Катеньке Ушаковой – она достойно сражалась за свою любовь. И много позже, спустя десятилетия, маститые пушкинисты сожалели, а некоторые печалятся и поныне, что не она, а Натали Гончарова стала женой великого поэта. Но тогда то была бы другая жизнь и другая история... Пушкину нужна была только его Наташа.

И не знак ли то свыше, что предложение поэта было принято 6 апреля 1830 года, в Светлое Воскресение! С этого благословенного дня юная Наталия Гончарова стала невестой русского гения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.